

St. i. J. Nowy Arnhem

10137

INSTYTUT
 BADAŃ LITERACKICH PANI
 BIBLIOTEKA
 30 330 Warszawa, ul. Nowy Świat 73
 Tel. 26-68-63

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

МОГИЛА АГАМЕМНОНА.

Отрывокъ изъ Словацкаго.

(Посвящается Василью Степановичу Перфильеву).

Пусть фантастически-настроенная лира
 Теперь откликнется мечтамъ моей души:
 Стопою робкою вхожу въ обитель мира —
 Въ склепъ Агамемнона; здѣсь, въ сумрачной тиши,
 Атриды грозные мнѣ чудятся невольню,
 Ихъ клики, споры, брань... а нѣ сердцѣ такъ больно!

Рокочетъ пѣ свѣту далекой славы громъ, —
 Тяжелый грузъ вѣковъ ничуть ей не помѣха:
 Несется дивный гулъ, вѣщая о быломъ,
 И въ этотъ темный гротъ ея заходитъ эхо,
 Звучить Электры гласъ въ могильной тишинѣ,
 А мнѣ... по прежнему все также грустно мнѣ!

Зефиръ, влгѣвъ, потрясъ Арахны тронъ зыбучій,
 Зашелестилъ кругомъ по лавровымъ кустамъ
 И тихо колыхнулъ чебѣра лѣсъ пахучій:
 Цвѣты пушистые въ пещерѣ, здѣсь и тамъ,



Какъ духи витязей приподниматься стали
И надъ великою могилою летали...

Межь тѣмъ полей и горъ досужіе пѣвцы,
Какъ будто пришлецу молчать повелѣвая,
Въ травѣ подъ камнями трещали кузнецы —
И та рапсодія, та пѣсня полевая
Еще печальнѣе настроила меня:
Я слушалъ, голову смиренно преклоня;

Я былъ въ то время тихъ и нѣмъ, какъ тѣ Атриды,
Что спать подъ стражею рапсодовъ полевыхъ;
Я все тогда забылъ, всѣ горькія обиды,
Всю злобу тяжкихъ дней—я былъ и нѣмъ, и тихъ;
Мнѣ стало моего минувшаго невидно
И бѣдности моей, и малости не стыдно.

У входа самага дубокъ зеленый росъ
И вѣтви темныя раскинулъ вокругъ ширѣко;
Кто знаетъ, голубь ли сюда его занесъ,
Иль перелетный вѣтръ, примчавшись издалика,—
Могилъ все равно, откуда онъ и чей,
Лишь только-бъ не пускалъ онъ солнечныхъ лучей

Въ нее заглядывать, пугая мракъ надгробный...
Но вѣтку я сорвалъ—лучъ солнца прорвался
Огнистой полосой, златой струнъ подобный,
Легла къ моимъ ногамъ живая полоса—
И засіяла вдругъ угрюмая пещера;
Я думалъ: та струна—не съ арфы ли Гомера?

И руки вытянулъ, чтобы схватить струну,
Чтобъ натянуть ее на чуждую ей лиру,
Слезами затопить пустыни тишину,
Оплакать витязей, всему знакомыхъ міру,
Но задрожавъ въ рукъ, вдругъ лопнула струна—
И воцарилась вокругъ опять обитель сна.

Таковъ, знать, жребій мой и злыхъ судьбъ коварство:
Готова молнія слетѣть порой со струнъ,
Но—вкругъ меня гробовъ безжизненное царство!
На землю падаетъ разбившійся перунъ...

Коня лихого мнѣ! Я живо на-конь сяду
И ринусь въ ярый бѣгъ—и въ немъ найду отраду!

Коня! Руслomъ давно-изсякшаго ручья,
Гдѣ лавры стелются ковромъ благоуханнымъ,
Лечу, какъ молніи огнистая струя,
Къ мѣстамъ, моей душѣ роднымъ, обѣтованнымъ:
Туда несись, мой конь—и у святыхъ могилъ
Пади, измученный, безъ духу и безъ силъ!

У Термопилъ? О, нѣтъ! Скорѣй на Херонеѣ
Мы остановимся: я родомъ изъ страны,
Гдѣ въ часъ, когда тоска намъ жжетъ сердца больнѣе, —
Монимъ соотчицамъ златые снятся сны
О славѣ прошлаго—и добрые невѣжды
Лелѣютъ безъ конца, Богъ вѣсть на чтó, надежды...

Не зрѣтъ мнѣ Термопилъ: меня отъ Термопилъ
Оггоняютъ призраки спартанскихъ патриотовъ:
Не мнѣ, рабу рабовъ, касаться сихъ могилъ,
Не мнѣ, рожденному въ отечествѣ илотовъ!
У славныхъ Термопилъ героевъ билась рать:
Не мнѣ святой ихъ прахъ ногами попирать!

Тамъ духу вѣщему спартанцевъ слышны влики;
Непобѣдимыхъ горсть была невелика,
Но—всѣ они легли!.. ихъ мужескіе лики
Могли бы пристыдить любого поляка!..
Нѣтъ, жутко, страшно мнѣ стоять межъ ихъ рядами,
Гремя позорными невольника цѣпями!

Чтó отвѣчалъ бы я, какой почувалъ стыдъ,
Когда бы дивная разверзлася могила —
И предо мною всталъ изъ гроба Леонидъ
И провѣщалъ бы мнѣ: «а много ли васъ было?
И чѣмъ окончили вы ярую борьбу?» —
Что было-бъ отвѣчать мнѣ, жалкому рабу?..

У Термопилъ врагамъ отомщена обида:
Лежить безъ пышнаго, златого кунтуша,
Покрытый ранами трупъ голый Леонида!
Въ застывшемъ мраморѣ лица его—душа

Героя свѣтится, что палъ въ неравномъ боѣ—
И долго плакала Эллада по героѣ!..

О Польша! Вѣрь ты мнѣ: покуда дремлешь ты
И душу ангела въ нечистомъ носишь тѣлѣ,—
Покинь о счастіи несбыточномъ мечты
И знай: дни прошлаго на вѣки улетѣли!

.

II.

ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

Въ альбомѣ С. В.

Прошли тѣ дни, какихъ не будетъ болѣ!
Когда, бродя въ лѣсу и въ чистомъ полѣ,
Я цѣлый могъ нарвать себѣ букетъ:
Теперь же—ни цвѣтовъ кругомъ, ни травки вѣтъ!

Реветь гроза, играетъ непогода
Надъ головой несчастнаго народа;
Щемить тоска мнѣ сердце, воеетъ грудь...
Когда-бъ найти мнѣ другу что-нибудь!

Нашель! Прими, мой другъ, хоть эту малость!
Имѣй ко мнѣ ты небольшую жалость:
Я долго рылся... Я усталъ... Я старъ...

Притомъ—последній это даръ!

ВЪ АЛЬБОМЪ **

Когда узришь, что буря оторвала
И унесла отъ берега челнокъ,—
Ты, милый другъ, не плачь о томъ ни мало,
Что носится онъ въ морѣ одинокъ!
Куда бы рокъ свирѣпый ни направилъ
Его потомъ—какая въ томъ бѣда:
На берегу пловець его оставилъ
Все, чѣмъ былие красились года,
Всѣ лучшія надежды и мечтанья,
Остались—слезы, жгучія страданья!..
Скажи, мой другъ: коли судьба *всему*
Судила здѣсь погибнуть,—что-жъ ему
Такъ горевать—скитальцу одному?..
Неужели отраднѣй быть спасеннымъ
И съ берега спокойнаго взирать
На плески волнь, ихъ шумомъ монотоннымъ
Плѣняться отъ бездѣлья?.. Нѣтъ, играть
Я съ омутомъ хочу неугомоннымъ!..

Н. Бергъ.

F

24.052